

"ЖЕНСКИЕ" СТИХИ

Оригинал здесь: **О стихах и поэтах.**

Молитва есть выраженное отношение между человеком и Богом, человеком и миром. Потребность в молитве свойственна всякой здоровой душе. Осуществляется эта потребность в самых различных формах, начиная от молитвы в прямом смысле слова и кончая всякой объективацией того, что "душу волнует, что сердце томит". Входят сюда и дневник, и письмо, и душевный разговор "о самом важном" -- на словах или на бумаге. В последнем случае исповедь и дневник особенно любят облекаться в стихи. Такие стихи имеют веские основания почитаться молитвами. Но не все они вправе называться поэзией.

Известное определение "поэзия есть молитва", при всей своей красоте и даже глубине, не выражает истины, хотя и лежит к ней довольно близко. Оно справедливо, поскольку религиозна сама природа искусства и поскольку всякое искусство есть молитва. Но оно односторонне и потому неверно, поскольку не всякая молитва есть искусство. *Стихотворная* речь не всегда значит *поэтическая*, и ни важность предмета, ни сила чувства, которым она вызвана, еще не делают ее поэзией. Молитве, чтобы стать поэзией, надо еще стать искусством. Поэзия есть молитва не всякого соответственно настроенного человека, но непременно -- художника, искушенного в своем ремесле. Она, располагает особыми, специфически художественными средствами, но зато и подчиняется формальным и эстетическим законам, ненормируемым религиозно. Молитва, вполне оправданная эмоционально и религиозно, -- чтобы стать поэзией, должна быть оправдана еще и литературно.

Дело все в том, что психологическая убедительность не совпадает с литературной. Читатель -- не просто авторский наперсник, перед которым достаточно раскрыть сердце и мысль, чтоб возникла поэзия. То, что в индивидуальном переживании автора, в его мысли, в его личной "молитве" и трогательно, и правдиво, и даже глубоко, всегда вызовет в отзывчивом читателе искреннее сочувствие по человечеству, но такое сочувствие отнюдь еще не обязывает к сочувствию художественному, без которого не возникнут меж автором и читателем отношения поэтические (иными словами -- не возникнет сама поэзия). Поэзия требует установления особой, чисто литературной связи, достигаемой столь же специальными, литературными способами воздействия. Поэт должен уметь и хотеть ими пользоваться. Слово свое (и порой даже самое чувство и самую мысль) ему приходится подчинить законам и правилам поэтического ремесла, иначе пребудет оно дневником, исповедью, молитвой -- но не поэзией. Может быть, в этом заключен природный порок поэзии, ее первородный грех, мешающий ей подняться в области более высокие, нежели искусство, но это -- ее существенный признак, отвергнув который придется отвергнуть ее самое. Точно так же и литературной критике нечего делать с молитвой, если она даже скандирована и рифмована: молитва сама себя изымает из компетенции литературной критики.

Вера в документальную силу переживания обманчива. Переживание, даже самое поэтическое по внутреннему составу и с совершенною точностью закрепленное на бумаге, все еще не образует поэзии. Как литературное оружие оно бессильно и опасно, ибо надежда на него порождает губительное невнимание к эстетике и поэтике. Слишком легко уводит оно стихотворца гораздо далее от литературы, нежели сам он того хотел бы.

Поэтическая необработанность лирических исповедей и дневников могла бы представиться сознательным, хоть и плохо рассчитанным, литературным приемом; порой можно бы видеть в ней и принципиальное нарушение канона, если бы на практике все это не оказалось столь робко и непоследовательно. Поэтому вернее видеть здесь просто практическую и теоретическую неопытность начинающих стихотворцев и дилетантов, более доверяющих убедительности своего переживания, чем незыблемости поэтического канона, не ими выстраданного и плохо им ведомого. Дело тут не в преодолении канона, а в недостаточном с ним знакомстве.

Не без понятной робости я принужден заметить, что некоторые особенности женского характера (именно характера -- не души) чаще толкают на этот путь поэтесс, чем поэтов. Недаром и самое определение поэзии как молитвы принадлежит поэтессе. Именно женщины особенно расположены к непосредственным излияниям из области личных переживаний, значительность которых именно они особенно склонны измерять степенью напряженности и правдивости; именно женщинам свойственно более полагаться на личный опыт, нежели на доводы, созданные теорией. Отсюда -- почти неизбывный интимизм женского стихотворства, так же как его формальный дилетантизм, нередко подчеркиваемый